

Леонид Андреев. Ипатов

Оригинал находится здесь: [Библиотека. Леонид Андреев.](#)

Жил в Москве богатый купец – Ипатов, Николай Павлович, человек самый обыкновенный, ни грехами какими-нибудь особенными, ни добродетелью не отличался. Был только доверчив, да и то по-купчески, с оглядкой. Дело он вел большое и запутанное, допускал кредит и имел много должников. Была у него и семья, сыновья и дочери, какие-то племянницы и племянники, жившие при доме. Большая семья, а появилась незаметно, выросла как шерсть на коже: и тепло от нее, и страшно за нее. А она тоже себе живет.

И было все так обыкновенно, и вдруг произошло необыкновенное и поистине страшное, не имеющее разумного объяснения.

Разорился Ипатов. Сперва ему по нескольким векселям не заплатили и сильно его подвели, а потом он не заплатил, и дошло дело до судебного пристава. Но к тому времени Ипатов ослабел, впал в мрачное равнодушие и решил: пусть описывают, пусть продают, никого видеть не хочу. И уехал на два дня к Троице, где были у него знакомые монахи: не то отмолиться, не то просто отсидеться думал.

Но столичные адвокаты – народ хитрый. Было это под Рождество, и как раз в канун, в самый сочельник, приехал адвокат с судебным приставом и сказал:

– Мы его не по карману, а мы его по самолюбию купеческому ударим, – вот как!

И не стал разыскивать ни золотых брошек, ни толстых дутых купеческих браслетов, – охота трудиться и вступать в спор с женщинами! – а велел обвязать толстой веревкой рояль и наложить печать. Таким же образом обвязал и припечатал люстру, что над самым обеденным столом, и уехал, – оглянуться не успели. И всего пробыл пять минут, а наделал такого, что вся купеческая семья от мала до велика ревом взревела. Стыд! Завтра Рождество, сколько народу будет, дочки танцевать собирались, а тут веревки да печати, – и веревки-то корявые, в узлах, от груза в сарае валялись.

Вернулся Николай Иванович из монастыря, взглянул на люстру и спрашивает, как будто не понял ничего:

– Это что?

А жена плачет и говорит:

– Нет, ты в залу поди и глянь, что с твоим роялем сделали.

Уже к полуночи разыскал Ипатов пристав, – а пристав с женою в церковь собирався, – и насилу, насилу-то умолил его деньги взять и поехать снять печати.

– Да вы сами их снимите, – возражал пристав, одетый по-праздничному. – Я вам удостоверение дам.

– Нет уж, Христом-Богом молю, поедemте со мною, Я теперь всего боюсь, – умолял Ипатов.

– Да я вам божусь...

– Нет уж, не откажите. Я вас отблагодарю, не пожалеете!

Поехал-таки пристав и сам в присутствии дворника снял печати и развязал корявые веревки.

Так вышел Ипатов из своего мрачного равнодушия; и еще целых два года после этого он суетился до истомы, подпирал плечом падающее, ловил пальцами воздух; как баба после пожара, копался на пожарище, угадывал, где что сторело. И тут все еще не было ничего необыкновенного: в те тяжелые годы много народу поразорилось, и кто поправился, а кто и совсем обнищал, – таких, как Ипатов, в одной Москве насчитывалось десятки. Да и не так уже плохо обстояло у Ипатова: по окончании всех дел остался у него двухэтажный дом на Зацепе и тысяча пятнадцать чистого капитала, – при бодром расположении хоть снова дело начинай. Он и начал бы, так как при своих годах и седине телом был крепче сыновей и племянников, – не порази его душевная болезнь.

Вот эта болезнь и есть то необыкновенное, что отличило его от всех людей его положения, сделало его судьбу замечательною и поистине страшною. Есть мера греху и возмездию, и над жизнью всех людей и судьбою ихнею зрится дух справедливости, но от жизни Ипатова отошел дух справедливости, безмерность страданий кощунственно превысила меру греха, и стал человек как